

въ печати, какъ неизбѣжное слѣдствіе все той же, указанной уже нами, привычки «объективировать» переживаемую стадію развитія,—сколько *поступки*, гдѣ важно именно переходъ слова въ дѣло... «Только тѣ, говорить онъ самъ въ XII-мъ томѣ, для которыхъ важны и дороги нравственныя истины, знаютъ какъ драгоцѣнно и какимъ длиннымъ путемъ достигается уясненіе, упрощеніе нравственной истины—переходъ ея изъ туманного, неопределенно-сознаваемаго желанія, изъ неопределенныхъ, несвязныхъ выражений—въ тверое и определенное выраженіе, неизбѣжно требующее соответствующихъ ему *поступковъ*...» (235 стр.)

И вотъ, вся жизнь самого гр. Толстого, вся жизнь и безхарактерныхъ героевъ его—это уясненіе, упрощеніе себѣ нравственной истины, и мы нисколько не преувеличимъ, сказавъ, что у начала этого длиннаго процесса, гдѣ стоитъ Коля Иртеньевъ (первый герой гр. Толстого), какъ и у конца его, гдѣ замыкается онъ Левинымъ (послѣднимъ героемъ гр. Толстого), какъ и у всѣхъ промежуточныхъ героевъ, какъ и у самого автора во всю жизнь,—не было, собственно говоря, другой цѣли, какъ только, пользуясь метафорой самого же гр. Толстого, добиться возможности сознать и сказать слѣдующую простую вещь: «...я пришелъ къ тому простому и естественному выводу, что если я жалѣю ту замученную лошадь, па которой я ѿду, то первое, что я долженъ сдѣлать, если я точно жалѣю ее,—это слѣзть съ нея и идти своими ногами» (XII т. стр. 257).

Еслибы въ такой «уясненной, упрощенной» формѣ съумѣль произнести это Коля Иртеньевъ, а произнеся—съумѣль бы покаяться и дѣйствительно «слѣзть»,—не было бы ни появленія на свѣтѣ дальнѣйшихъ разновидностей безхарактернаго коллектива героя гр. Толстого, ни самого «ученія» ихъ alter ego. Въ сущности Левинъ—логически послѣднее